

Марк Садовников

Анна Данилова

Издержки богемной жизни

«Автор»

2008

Данилова А.

Издержки богемной жизни / А. Данилова — «Автор»,
2008 — (Марк Садовников)

Как много ей приходится скрывать! Ненависть, зависть, а особенно – страх. Если бы не обвинение в убийстве бывшей подруги и коллеги по сцене, актриса Варвара Арнаутова, честно бы все рассказала. Но ведь в смерти Лидии Извольской обвиняют именно Варвару! Кто тут поможет? И говорить ничего нельзя, и молчать – лишь себе хуже делать. Пожалуй, только художница Рита, жена следователя Марка Садовникова, с ее душевной чуткостью и тонкостью восприятия понимает, что дело Извольской совсем не простое, и вина подозреваемой Арнаутовой весьма сомнительна...

Содержание

1	6
2	10
3	13
4	15
5	19
6	22
7	28
8	31
9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Данилова Издержки богемной жизни

Дорогой милый Миша!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А еще — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитесь, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (франц)

1

– Мы знали эту актрису по таким сериалам, как «Девушка-призрак», «Глоток Брин Мор», а также по ее участию во многих телевизионных шоу. Лидия Извольская буквально ворвалась в наш телевизионный мир. Эту необычайно красивую и талантливую актрису можно было увидеть сразу на нескольких телеканалах. Те, кто был знаком с Лидией, отзывались о ней, как о человеке с трудным характером, однако это не помешало ей найти общий язык с такими известными режиссерами, как Михаил Плен, Андрей Ратманов...

Рита услышала все это сквозь общий шум большой квартиры, где собралось много гостей и где она сама по воле случая оказалась чуть ли не хозяйкой. В гостиной был накрыт длинный стол, и Рита постаралась, чтобы на нем было много изысканной закуски, разных – салатов. Конечно, ей приходилось трудновато, потому что все здесь было чужое, она некоторое время никак не могла запомнить, что и где лежит в кухне и кладовке, но отступить было поздно: Павел Смирнов, друг Марка, пригласил их, хотя справедливее было бы сказать – заманил – сюда, в Москву, на свой сорокалетний юбилей в надежде на помощь Риты. Он, холостяк, тем не менее категорически отказывался отмечать свой день рождения в ресторане, где все чужое и казенное. Марк искренне поверил ему, даже и не подозревая, что Павел пригласил их к себе не столько для того, чтобы они помогли ему с проведением торжества, сколько из-за огромного и плохо скрываемого желания увидеться с Ритой. Но об этом знала только сама Рита, Марку же это и в голову не пришло бы.

Они приехали за два дня до праздника и, пока мужчины закупали продукты и все необходимое к столу, Рита с помощью домработницы Галины Петровны, соседки, которая, по словам Павла, ничего не смыслила в готовке, но зато хорошо убиралась, привели в порядок квартиру, поменяли шторы на окнах и даже вычистили весь хрусталь и серебро.

– Рита, ты, главное, не волнуйся, – не переставал повторять Павел, высокий худощавый блондин с нежным лицом и большими серыми глазами, в которых светился ум и его огромное желание понравиться Рите. – Компания будет разношерстная: мои друзья-адвокаты, разгильдяи и любители выпить, но ужасно милые, симпатичные люди; политики, но не скучные; разного рода клиенты, с которыми у меня сохранились дружеские отношения. Будут, конечно, и женщины, и тоже разные – от бизнес-леди до жен моих друзей, попросту бездельниц с замашками миллионерш. Все они любят хорошо поесть, посплетничать. Но ты не обращай на них никакого внимания. Никто из них не умеет готовить так, как ты!

– Паша, я уже поняла, ты воспринимаешь меня просто как кухарку, – мягко отшучивалась Рита, не отрывая глаз от миксера, в котором взбивались яйца к крему.

Павел стоял рядом и едва сдерживался, чтобы не обнять Риту.

– Нет, все это не так, ты же отлично понимаешь. Ситуация вообще сложная... Я влюблен в тебя по уши, просто схожу с ума, но мозгами своими понимаю, что между нами ничего не может быть, – он разговаривал с ней так откровенно, пользуясь тем, что его практически не было слышно за шумом работающего миксера. Да и в кухне, кроме них двоих, никого не было. – Не может ничего быть потому, что ты – жена моего лучшего друга, Марка. А Марк – человек серьезный, следователь прокуратуры, и я его ужасно боюсь.

Рита заметила, что рядом с ней Павел превращается в самого настоящего мальчишку, и удивительно – как такой красивый, умный и богатый мужчина до сих пор на свободе, как ему удалось избежать очередного брака.

– Я сама его боюсь, – улыбнулась она и взглядом попросила Павла подсыпать в ярко-желтую воздушную смесь сахарной пудры. – И лучше было бы, если бы он ни о чем не догадался.

Так получилось, что все время до торжества они были рядом, обменивались улыбками, какими-то щемящими, кошачьими касаниями, намеками, но если для Риты все это было просто игрой, доставляющей ей невинное женское удовольствие, то для Паши, как она понимала, эта игра становилось все более дразнящей и опасной.

Теперь же, когда все гости собрались и в квартире было не протолкнуться (какие-то мужчины и женщины бродили с рюмками по квартире, беседовали или спорили, звучала музыка, от стола исходил дивный аромат готовых закусок, а из кухни струился теплый дух запеченного мяса и кисловато-пряный, замешанный на черносливе запах жирного бигоса), она вдруг поняла, что смертельно устала и что не готова вынести все это сборище голодных и совершенно чужих ей людей. И чего ради они с Марком сюда приехали?

«Понимаешь, Рита, он там, в Москве, совсем одинок. Ему стукнет сорок, и он остро поймет, что он совершенно один, что у него, кроме старой домработницы, которая толком не умеет приготовить овсянку, никого нет. Любовницы не в счет. Все это так, жены его друзей... Одна уж точно, во всяком случае. Ну, поедем! Я там отдохну. Уж там-то меня точно никто не найдет и не вызовет в три часа ночи на место преступления. И никаких убийств, никаких бессонных ночей. Да и ты тоже отдохнешь. Приготовишь пару салатов и торт – и все, будешь смотреть телевизор. А может, наберешься впечатлений...» Она попыталась ему сказать, что в августе в Москве могут быть только одни впечатления – от страшной, пропитанной гарью жары и плавящегося асфальта. Но воздержалась. Подумала: а что, если и в самом деле ей пора сменить обстановку? К тому же, в их отношениях наметился разлад – она была уверена, что Марк пусть даже и случайно, стихийно, как животное, изменил ей с одной женщиной. Дело прошлое, она сделала вид, что все забыла, но разве можно такое забыть по-настоящему?

– Прошу всех за стол, – торжественно объявил Павел.

– Стойте! – вдруг крикнула одна из женщин, до которой, вероятно, так же, как и до Риты, сквозь общий гул голосов и нервную джазовую музыку пробился голос дикторши. – Подождите, кажется, Извольская... что-то произошло, раз о ней говорят в прошедшем времени...

Ее громкий голос сделал свое дело: на мгновение стало тихо, все повернули головы к огромному экрану телевизора, на котором появился портрет умопомрачительной красотки с развевающимися светлыми волосами и огромными темными глазами...

– Извольская... – сказала другая женщина каким-то странным, замогильным голосом. – Господи!

Дикторша между тем продолжала:

– По полученным из неофициальных источников сведениям, вчера ночью Лидия Извольская в компании своей подруги, тоже известной молодой актрисы, Варвары Арнаутовой, и еще двух приятелей находилась в ресторане «Золотая бабочка», расположенном в Лялином переулке. Надо сказать, что мало кто вообще знает о существовании этого ресторана. Но сейчас речь не об этом. Главное – слух, разнесшийся по всей Москве, о том, что Андрей Ратманов, известный актер, продюсер и режиссер, ушел от Лидии Извольской к Варваре...

– Вот черт, да что они со всеми своими сплетнями! – возмутился кто-то. – Вы понимаете что-нибудь или нет? Что случилось с Извольской? Как так можно строить репортаж, что ничего не понятно?

– Говорят, что в ресторане был скандал. Извольская, находясь в нетрезвом состоянии, кричала на свою бывшую подругу и обвиняла ее в том, что та украла у нее Ратманова. И теперь, учитывая сложившиеся обстоятельства, можно согласиться с работниками прокуратуры, задержавшими Арнаутову по подозрению в убийстве Извольской...

– Наконец-то родила, – фыркнул кто-то из гостей. – Наконец-то я понял, что Извольскую убили!

– Как ее убили-то?

– Неясно...

В этот момент раздался стонущий звук ожившего телефона – этот сигнал Рита уже выучила наизусть, так звонил мобильник Павла.

– Да, слушаю... Да. Да... Понятно, дайте ей трубку. Варвара?

При упоминании этого редкого имени все уставились теперь уже на виновника торжества Павла, который, поймав взгляд только одного человека, которого он хотел бы видеть в эту минуту, – Риты, сказал ей через плечо, как бы извиняясь:

– Это Варя Арнаутова, моя клиентка...

– Бляха муха! – ухнул кто-то за спиной у Риты. – Да у нас именинника забирают...

– Варя? Да, я понял. Прошу тебя об одном: молчи! Никому ничего не говори. Я сейчас приеду, и мы с тобой побеседуем. Понимаю, что ты нервничаешь. Как тебя нашли-то? Приехали прямо домой? Ясно... Неприятная история! Но ты жди меня и помни о том, что я тебе сказал.

После этого он отключил телефон и оглядел всех присутствующих гостей задумчивым и каким-то отчаянным взглядом:

– Мою клиентку обвиняют в убийстве Лидии Извольской. – Он развел руками. – У нее истерика.

– Понятное дело.

– Иди уж, незаменимый!

– Вот вечно так!

– Паша, ты хотя бы выпей с нами, закуси. Надо же, в самый ответственный момент, когда дом полон гостей...

И только Марк смотрел почему-то не на Павла, а на жену, вспоминая похожие ситуации из их жизни, когда ему, следователю прокуратуры, приходилось выезжать на место преступления даже глубокой ночью. Кому это может понравиться? А тем более молодой жене, женщине, которую ты любишь и которая любит тебя. Он видел, что Рита молча наблюдает за Павлом, и во взгляде ее прочел сочувствие и какую-то растерянность. Ну конечно, ведь теперь как бы они с Марком остаются за хозяев дома, им придется развлекать гостей. Ситуация!

Между тем Павел подошел к Марку, бросил через плечо взгляд на Риту, как бы приглашая ее подойти:

– Такие дела. Ничего не напишешь.

– Да ладно, ты, Пашка, иди. – Марк хлопнул его по плечу. – Громкое дело, о тебе напишут все газеты. Для адвоката это неплохо, согласишься. Может, когда ты вернешься, на столе еще что-нибудь останется.

– Марк, не думаю, что его это сильно волнует. Думаешь, я не оставлю ему кусок мяса или банку маринованных грибов? Просто он решил пригласить друзей, отметить день рождения, а тут такое. Но Марк прав – дело обещает быть громким, даже в том случае, если ты в самое ближайшее время докажешь непричастность твоей клиентки к этому убийству. Лидия Извольская... Такая красивая была актриса! Совсем молодая. Не думаю, чтобы твоя клиентка посмела совершить это убийство. Я имею в виду сломать таким образом свою карьеру.

– Ты знаешь и мою клиентку?

– Варвару Арнаутову? Конечно знаю. Она тоже снимается в сериалах, иногда выступает телеведущей. Она – полная противоположность Извольской и представляется мне человеком куда более серьезным и волевым. Паша, можешь пообещать мне что расскажешь все, что узнаешь сегодня? Я ужасно любопытная. Тем более, когда речь идет об убийстве актрисы.

– Зная тебя, трудно представить себе, что ты откажешься помочь мне и в расследовании этого преступления, – произнес Павел, не в силах отвести взгляда от Риты. – Тем более, что закон не запрещает нам, адвокатам, принимать участие в следствии.

– Рита, не задерживай его своими разговорами, не видишь разве, что он из вежливости топчется возле нас, хотя ему давно уже пора ехать.

– Хорошо, что я напиться не успел, – пошутил Павел. – Ладно, я поехал... А вы рассаживайтесь, пируйте. Постараюсь поскорее вернуться. Я хорошо знаю Варю, уверен, что нам с ней удастся выпутаться из этой истории.

Он ушел, и все, словно вычеркнув Павла из этого вечера и забыв, что это он – виновник торжества, быстренько расселись вокруг стола и вернулись к своим прерванным разговорам. Рита, переглянувшись с Марком, вздохнула и пожала плечами.

2

Свет в парке был сумеречным, каким-то не летним, не августовским, а скорее осенним. Да и пахло в воздухе по-осеннему – гарью. Кто-то сжег сухие листья или поджег мусорный бак.

Оля шла, прижимая к груди маленькую, но тяжелую сумочку, которая, несмотря на настроение хозяйки, ошалевшей от страха и всего того, что она задумала, весело позванивала металлическими цепочками. Да и каблучки постукивали по асфальту как ни в чем не бывало. Оля была одета во все серо-коричневое, неприметное. Она долго выбирала, что ей надеть в этот вечер, чтобы быть как можно незаметнее, чтобы слиться с вечерними красками парка.

Мужчина, шагавший рядом с ней, был намного бодрее и увереннее в себе. Неожиданное свидание. Кто бы мог предположить?!

– Ты, это... Куда меня ведешь-то? – спросил он, пытаясь обнять ее. – Здесь вроде бы никого нет. И лавка пустая. Сядем?

– Сядем.

Оля покорно села на лавку и позволила обнять себя мужчине.

– Ты удивлен? – спросила она, даже не поворачивая головы в его сторону.

– Если честно, да. Когда ты позвонила, я даже не сразу понял, что это ты. Но я все стрелки отменил, все дела свои забросил, когда ты пригласила меня сюда. Ты почему дрожишь-то? Боишься, что ли, меня? – Он сгреб ее в охапку.

– Боюсь. Тебя все боятся.

– Тогда почему же пригласила меня?

– Да потому, что такие, как ты, больше всего и нравятся девушкам. Когда я тебя вижу, мне не по себе становится.

– Возбуждаешься, что ли? – Он резко повернулся к ней, взял ее лицо в ладони и поцеловал.

Она подумала, что он нарочно до свидания с ней нажевался мятной жвачки, знал, что они целоваться будут. Волна тошноты подкатила к горлу.

– Подожди. У меня тушь потекла, сейчас, платок достану...

Она встала, одернула короткую юбку, открыла сумочку, достала пистолет и выстрелила ему в голову. Увидела, что попала в висок. На этом месте сразу же образовалось темное пятно, и мужчина, еще недавно жевавший мятную жвачку, повалился на лавку, а оттуда сполз на землю.

Оля Барсова оглянулась – никого поблизости не было. Все шло так, как она и задумала. Она несколько дней подряд ходила сюда, чтобы убедиться в том, что это один из самых безлюдных уголков парка. Берег тихого пруда, ровная гладь фиолетовой от опрокинутого неба воды, густые кусты дикой акации и сирени, пустые в этот сумеречный час скамейки. Главное, убеждала она себя задолго до того, как решилась на убийство, не суетиться и сделать все так, как она спланировала. Во-первых, удостовериться в том, что он мертв. Иначе, когда его, раненого, вернут к жизни, он скажет, кто пальнул в него.

Она подошла к нему и приложила палец к тому месту на шее, где, как ей объясняли однажды знакомые студенты-медики, находится сонная артерия. Никакой пульсации. Потом она достала из кармашка джинсовой серой куртки маленькое зеркальце и приложила его к губам мужчины. Вроде бы он мертв. Так. Теперь – его телефон. Никто не должен его найти, ведь там отразился бы и ее звонок.

Телефон полетел в воду.

Она и сама удивлялась своей собранности, хладнокровности и спокойствию. Возможно, думала она, это ее состояние – временное, и неизвестно еще, что за этим последует. Вполне вероятно, будет истерика, но это уже дома, а сейчас она должна довести все до конца. То есть отойти в сторону, достать носовой платок и протереть им пистолет, тщательно спрятать его,

предварительно замотав в шелковый шарфик, на дно сумочки и более коротким путем вернуться домой.

Что она и сделала. И уже возле дома вдруг поняла, что теперь может жить спокойно. Что человек, который отравлял ей жизнь и которого она боялась, мертв. Она представила себе вдруг, как над головой ее от сознания совершенного распускаются, потрескивая, густые и роскошные взрывы салюта, как тысячи, миллионы маленьких звезд осыпаются с темного теплого августовского неба ей на плечи. Фейерверк, праздник освобождения и возвращения к нормальной, безмятежной жизни. Оставалось только сделать один важный звонок.

По лестнице она поднималась, размахивая сумочкой – ей казалось, что пистолет, лежавший в ней, стал намного легче. Словно пуля, выпущенная в висок ее врага, весила целый килограмм.

Ей открыла мама. Такая красивая, милая и уютная в своем домашнем широком платье.

– Вернулась? Что-то ты поздно сегодня. С Женей встречалась? – В тоне матери она почувствовала иронию.

– Нет, просто прогулялась немного. Днем – духота, жара, а вечером в Москве так красиво, свежо, все вокруг радуются жизни... вот и я тоже решила пройтись...

– Надеюсь, ты проголодалась? Мы с папой тебя ждали-ждали, да так и не дождались. Будешь с нами ужинать?

Так не хотелось думать о том, что произошло совсем недавно в парке, что Оля сама себя принялась убеждать: убийство – лишь плод ее воображения, это просто ее фантазия или даже мечта, так и не воплощенная в жизнь. И она сейчас действительно гуляла по Тверской, слившись с празднующейся публикой. Она так хорошо представила себе это, что даже словно почувствовала запах еды из раскрытых дверей кафе и вентиляционных отдушин ресторанных кухонь. Даже уличный шум будто бы проник в ее уши. Иллюзия было полной.

Ужинали в комнате, перед телевизором.

– Суп будешь? Или только второе?

– А что у нас на второе? – крикнула Оля из ванной комнаты, где она тщательно мыла руки.

Она стреляла с довольно близкого расстояния, но брызг крови на одежде не обнаружила. Она сняла куртку, решив, что, если она прямо сейчас встанет под душ, а потом переодеется, это может показаться маме подозрительным, ведь все это она обычно проделывает после ужина. И вообще, мама в последнее время стала излишне внимательной, придирчивой, и всегда, когда Оля возвращается домой, смотрит на нее пристально, словно хочет заметить в ее внешности следы недавнего свидания – особый взгляд, помятую одежду, следы поцелуев на ее шее. Вот только спросить напрямую, как далеко зашли у нее отношения с Женей Бутурлиным, мама все еще не решается. Но когда-нибудь непременно спросит.

– На второе грибы с рисом, как ты любишь. Я подумала, что нельзя постоянно есть только мясо.

– Ну почему же нельзя? – Оля с улыбкой села за стол, посмотрела на умиротворенного и уже сытого отца.

– Привет, – произнес он так, что Оля замерла, вдруг ощутив опасность, в которой она теперь вынуждена будет жить, продолжая делать перед своими близкими вид, будто ничего не произошло.

Родители так любили ее, они втроем жили так спокойно и всегда так хорошо понимали друг друга, что ей на какой-то миг стало вдруг страшно, что она никогда больше не услышит этого отцовского, преисполненного любви «Привет». Не увидит и маму, не услышит ее голоса. Что она потеряет то главное, чем жила – семью, любовь близких и их понимание. Вряд ли папа или мама, узнав о том, как она решила избавиться от своего врага, поймут ее и простят. Ведь

после того, как она исчезнет из их жизни, у них тоже все изменится. Они будут спрашивать себя: где же они совершили ошибку и в чем, если их дочь оказалась способной на такое хладнокровное преступление? Но, с другой стороны, не сделай она этого, что стало бы с ней самой? Самозащита в самом широком смысле слова. Слишком широко, заметит кто-то. Быть может, это будет ее адвокат?

А что, если посвятить во весь этот кошмар отца? Он куда более разумен, чем мама, рассудителен, не склонен к панике. Больше того, он сможет ей помочь, научит, как действовать, чтобы ее не вычислили. Она вдруг представила себе, как он заходит к ней в комнату, чтобы пожелать ей спокойной ночи, а она, вместо того, чтобы привычно ответить ему, попросит его выслушать ее. Вот он садится на краешек ее кровати, еще ничего не подозревающий, думающий, что сейчас последует рассказ об ее отношениях с Женей (а почему бы и нет?). И вместо этого она признается ему в том, что только что убила человека. Она называет его имя, а потом рассказывает, что толкнуло ее на это преступление. Скорее всего, он скажет: деточка, это же спланированное убийство. То есть на нее никто не нападал, она не отбивалась. Нет, все было не так! Она почти неделю вынашивала этот план, добывала пистолет...

Ее затошнило, когда она представила себе, что отец звонит в милицию и говорит, что убийство совершил он. Он такой, ее отец. Он ради нее способен на многое. Даже отдать жизнь, не говоря уже о том, чтобы взять на себя ее вину. Этого невозможно допустить!

– Оля, ты почему не ешь? Может, я слишком много лука положила в грибы? Не нравится, так возьми пирожки, правда, они вчерашние, но я могу их подогреть в микроволновке.

– Мама, грибы очень вкусные. Все нормально.

Да, у нее все нормально. Главное, не думать о том, что произошло. И сделать все так, как она запланировала. Чтобы не подвести кое-кого и самой не попасться.

Не могла она не думать и о Жене.

Женя... Ну же?! Почему ей не думается о нем? Неужели то, что она сделала, отдалило ее от него еще больше? Но ведь он такой хороший. Он замечательный. Он – лучший! Только вот ведь вопрос: кого она сегодня спасла?

Раздался звонок в дверь.

– Кто бы это мог быть? – Ирина удивленно посмотрела на мужа. – Да еще так поздно?

– Думаю, что это Макс, – ответил Владимир. – Что-то давно он у нас не был. Прямо к ужину!

3

Максим Львович Юдин резал лимоны, сидя на террасе своей дачи. Дикий виноград густо вился по решетчатым стенам, создавая тень и делая солнечные лучи приятно-зеленоватыми, шадящими в столь жаркий полдень. Юдин готовил себе лимонад – посыпал нарезанные куски лимона в графине сахаром, заливал кипяченой водой. «В холодном виде это выпивается быстро с наслаждением». Он сказал эту фразу Оле на прошлой неделе и почему-то покраснел, словно речь шла не о наслаждении лимонадом, а о другом наслаждении, о котором он мечтал и которое считал несбыточным. Мысли эти он считал преступными, а свое желание быть с Олей вообще стало бы предательством по отношению к самому близкому другу – ее отцу, Володе Барсову. Когда-то давно, когда Оля была маленькой девочкой, при ее крещении крестным отцом был выбран Максим, а крестной матерью – двоюродная сестра мамы, Тамара. Володя был тогда совсем молод, ему было всего двадцать лет, Ирине же – девятнадцать.

– Ты понимаешь, Макс, какую ответственность ты на себя взвалил, назвавшись крестным отцом моей дочери? – балагурил Володя, уже изрядно подвыпивший и не скрывавший своей огромной радости по поводу рождения дочери. – Если со мной что-то случится, ты станешь ее отцом и должен будешь заботиться о ней, как отец. Ты понимаешь, елки-палки, о чем я тебе говорю?! Это все серьезно, Макс! И ты, Томка, тоже мотай себе на ус.

Тамара тоже мотала, хотя у нее и не было усов – она часто звонила Барсовым, справлялась о здоровье крестницы и никогда не приходила без подарков. И вообще, тогда всем было весело, все были молодые, и радость переливалась через край. Максим часто бывал у Барсовых дома, играл с малышкой Олей, гулял с коляской в парке, представляя себя молодым папашей, и уж никак не мог предположить, что когда-нибудь всерьез увлечется этой девочкой, будет страстно желать ее, мечтать о ней и строить какие-то даже планы в отношении ее. Быть может, ничего бы этого и не было, если бы Оля и сама не стала оказывать ему знаков внимания. Ему казалось, что и ей нравится быть с ним, беседовать, когда он приходил к ним, ездить с родителями к нему на дачу, прогуливаться с ним по лесу, слушая птиц.

Возможно, конечно, что Оля делала все это неосознанно, да и вообще, в ее тогдашнем возрасте девушка еще и сама толком не знала, чего она хочет от жизни, от мужчин, от Максима. Можно было даже предположить, что ей просто приятно находиться рядом со взрослым мужчиной, и только. К тому же Максим знал, что она встречается со своим ровесником, двадцатилетним Женей Бутурлиным, и, хотя родители ее уверены, что отношения их пока только дружеские, невинные – как знать! Но если, предположим, она любит Бутурлина, тогда почему же она пригласила на день рождения своей подруги, Галки Урусовой, не Женю, а своего крестного отца – то есть его, Максима?

Он взял с тарелки еще один лимон и принялся резать его на куски. От запаха он просто одурел – так ему было хорошо, даже показалось, что так вкусно и душисто пахла сама тема его любви к Оле. Это со стороны, если кому-то рассказать, его чувство к молоденькой студенточке, младше его на двадцать лет, могло выглядеть преступным, пошлым. Но он-то сам хорошо знает, как чиста его любовь к ней, как долго и медленно, в течение всей ее молодой жизни, она напитывалась невинным восторгом и восхищением перед ее красотой, нежностью, юностью. И что преступного в том, что его чувство к ней стало более зрелым, полным и что он стал относиться к ней уже не как молчаливый восторженный наблюдатель, но и как мужчина?! Время шло, и из маленькой, с нежной розовой кожей, девочки она превратилась в женщину. Благо, он сам еще не постарел и чувствовал себя как никогда сильным и переполненным желаниями.

...Он густо посыпал куски лимона сахаром и устался на дно уже второго по счету прозрачного графина, словно мог увидеть то свое сокровище, которым он упивался последние часы своей жизни – воспоминанием о неудавшейся вечеринке у Галочки Урусовой.

Она позвонила ему и сказала, что у Галки, ее подружки, которую Максим знал и часто видел в доме Барсовых, день рождения, и что она хотела бы, чтобы они пришли к ней вдвоем. Удивленный столь неожиданным предложением, Максим несколько секунд молчал, переваривая услышанное. Что она хочет этим сказать? Они поссорились с Женей и ей неудобно идти одной? Или, быть может (и это тоже – при возможности ее ссоры с Женей), она хочет появиться на дне рождения подруги со взрослым мужчиной, которого в их компании не знает никто, предположим, кроме самой именинницы, чтобы потом до Жени дошли слухи, что она завела себе великовозрастного любовника? Говоря проще, чтобы досадить Бутурлину?

Но раздумывал он тем не менее недолго. Согласен, сказал он, представив себе Олю, разряженную в пух и прах и сидящую за столом рядом с ним целый вечер! А если еще и танцы будут и ему позволено будет держать ее за талию, уткнувшись лицом в ее волосы...

Он купил подарок, шкатулку из янтаря, букет цветов и явился к Галке. Она открыла дверь и, увидев его, со счастливым визгом: «Кто к нам пришел!» – бросилась его обнимать, принимая из рук букет.

За столом уже сидели какие-то девушки, молодые люди. Его усадили рядом с именинницей, по правую же руку от него стоял пустой стул, ожидавший, вероятно, Олю.

– А где же Оля? – время от времени спрашивала Галка, одетая во все красное, яркое и блестящее, и эти ее регулярные вопросы не казались Максиму фальшивыми. Нет, думал он, не может быть, чтобы Оля пригласила его для Галки. К тому же у нее был свой ухажер – полноватый молчаливый юноша в очках, весьма приятный, хотя и несколько старомодный, к тому же скромный, несмотря на свой дорогой костюм и бриллиантовые запонки.

Оля, между тем, не отвечала на звонки. Прошел час, полтора, и, когда она наконец сама позвонила – сказала, что она разбила по дороге подарок, дорогущую вазу, и не сможет прийти к Галке, что у нее отвратительное настроение и она просит у нее прощения – Максим решил для себя: и ему нечего делать на этом дне рождения. Оля попросила передать телефон имениннице, вероятно, и ей объяснила причину своего отсутствия, после чего Галка, нежно улыбнувшись Максиму, сказала, что простит Олю только в том случае, если вместо нее на празднике будет ее близкий друг. Вот прямо так и заявила. То ли сама это выдумала, то ли Оля ей подсказала. Одно он понял – уйти со дня рождения Галки он не сможет, это выглядело бы совсем уж неучтиво. Поэтому он, воодушевленный тем, что, сам того не ожидая, оказался вовлеченным в круг знакомых своей тайной возлюбленной, решил остаться и попытаться понять, чем же живут и дышат эти молодые люди.

Оля чуть позже перезвонила ему и сказала: она чувствует себя неловко за то, что оставила его одного, просит простить ее, говорила что-то еще, но он, уже не вполне трезвый и находившийся в состоянии какой-то странной, блаженной истомы, понял главное: она ждет его у себя дома, родители будут рады его приходу, они все, Барсовы, любят его.

Он приехал к Барсовым поздно, сам не ожидал, что дорога займет так много времени. Ему искренне обрадовались, он читал это на их лицах и был счастлив тому, что в этом доме его рады видеть в любое время дня и ночи. Оля смотрела на него так, словно хотела сказать: молчи, ничего не говори! Он понял это и прикрыл глаза: мол, хорошо, я сделаю так, как ты хочешь. И тогда он почувствовал, что они заодно, что они – заговорщики.

4

Варю он нашел в ужасном состоянии. Мало того, что она была явно с похмелья, так еще и перепугана насмерть. Они разговаривали в ее спальне. Варвара Арнаутова, в черном бархатном халатике, наброшенном на голубую пижаму, сидела в глубоком кресле, поджав ноги и, глотая слезы, рассказывала Павлу о том, что произошло накануне, то есть вчера вечером, в Лялином переулке у входа в ресторан «Золотая бабочка».

– Слушай, никак не могу припомнить, чтобы там был ресторан, – говорил Павел, глядя в распахнутое окно, где за шторами шумела листва огромного тополя. Все было зеленым, теплым, сонным и почему-то отчаянно невеселым.

– Там дом... Жилой. Подъезд обыкновенный. На самом деле, не все знают об этом заведении. Это небольшой ресторан, но ужасно уютный, там внутри очень красиво, старинные картины по стенам, бархатные диваны, занавески из каких-то немислимых тканей, да и кормят очень даже ничего. Правда, это дорогой ресторан. Мне его показала Лида. – И Варвара заскулила, в очередной раз вспомнив, что ее некогда лучшей подруги уже нет в живых. – Как подумаю, что ее нет, что она мертвая... в морге... на столе, так просто выть хочется! А тут еще меня обвиняют в убийстве! Якобы я убила Лиду из ревности. Еще неизвестно, кто кого должен был ревновать! Да и вообще, ей разбили голову – вроде бы ударили о стену... Ну почему мне приписали такое ужасное убийство?!

– Но ты же в каком-то сериале такую мерзавку играла, всем козни чинила, палила из пистолета направо и налево, яд сыпала почем зря, оплеухи раздавала... Думаю, актерская профессия – одна из самых опасных. Вы как бы примериваете на себя чужие преступления, страсти, судьбы, наконец. Но я отвлекся. Давай начнем с самого начала! Итак. Вчера вы с Лидией Извольской были в ресторане «Золотая бабочка». Вдвоем? Или с Ратмановым?

– Паша, все-то ты знаешь! И про Ратманова тоже. – Она усмехнулась и холеной рукой с розовыми блестящими коготками взяла с прикроватного столика тоненькую пачку дамских легких сигарет. Чиркнула золоченой зажигалкой. Закурила.

– Варя, да об этом вся Москва знает! Возьми любой журнал. Я не говорю уже о газетах...

– Нет. Ратманова там не было. Он вообще куда-то уехал, этот чертов Ратманов. Но мы были не вдвоем. Там же, в ресторане, познакомились с двумя молодыми людьми весьма приличного вида. Только знать бы еще, что у этих молокососов на душе. Драпанули, как увидели этого...

– Так. Стой, не торопись! Ты мне скажи лучше, как вы вообще попали в ресторан, да еще вдвоем, когда все знают, в каких вы с ней отношениях?

– Понимаешь, утром были съемки в павильоне, и вечером мы с Лидой... Хотя, нет, не так. Еще до ссоры с ней мы любили там бывать по вечерам... Но сначала она ходила туда с Андреем Ратмановым, и только потом, чтобы показать мне новый ресторан, они пригласили туда и меня, и мы несколько вечеров провели там втроем. Ратманов – шикарный мужик, ничего не скажешь, я не могла от него глаз оторвать, но он был с Лидой, у них вроде бы было все серьезно. А потом он однажды вечером приехал ко мне домой. Даже не поднялся, а просто позвонил, сказал, что ждет меня внизу. Я не могла отказать, ну просто не могла! Поступила подло по отношению к Лиде. Но он же сам приехал!..

– И что потом? – кисло спросил Павел, очень хорошо представив себе, как дальше развивались события.

– Сам понимаешь! Она не могла не узнать. Да и вообще, ты же знаешь, что вся наша жизнь с недавнего времени – на виду.

Они познакомились, когда молодой и перспективной актрисе Варваре Арнаутовой показалось, что в желтой прессе стали часто появляться статьи, грубо нарушавшие закон о вме-

шательстве средств массовой информации в частную жизнь. В статьях говорилось о беременности Вари, о ее многочисленных любовниках и о скандалах, связанных с ее фотографиями, размещенными в популярных мужских журналах. Этого грязного бумажного материала оказалось так много, что нервы Вари не выдержали и она, по рекомендации своих знакомых, обратилась за помощью к адвокату Павлу Смирнову. Павел выиграл два процесса, в результате чего известные печатные издания выплатили Вале довольно приличные суммы в качестве возмещения морального вреда, после чего СМИ на время оставили ее в покое. В знак благодарности своему адвокату Варвара, помимо уплаты гонорара, подарила ему дорогой серебряный портсигар и малахитовую пепельницу, а также пообещала ему, что будет рекомендовать его всем своим знакомым. Но главное для Павла заключалось в искренней признательности своей клиентки, в ее желании чувствовать за спиной такого умного и надежного человека, как он, Смирнов, и в знании того, что у нее есть профессиональный защитник, благодаря которому жить ей теперь станет куда спокойнее. Так, во всяком случае, она сказала ему в их последнюю встречу на какой-то актерской вечеринке, куда Варя пригласила Павла, чтобы познакомить его с некоторыми своими знакомыми и ввести в круг своих известных и состоятельных друзей. Могла ли она предположить, что они встретятся спустя месяц, да еще и при таких роковых обстоятельствах: убили ее лучшую подругу, тоже молодую и известную актрису, и в убийстве обвиняют Варю.

– Варя, мы остановились на том, что я спросил тебя: кому принадлежала инициатива поехать вечером в ресторан?

– Положим, ты не так спросил, ну да ладно. Ратманов стал моим любовником! – произнесла она с трагической ноткой в голосе. – И если бы он был в Москве, то в ресторан мы бы пошли с ним, вдвоем. Хотя, возможно, Лидка бы за нами и увязалась. Но вчера вышло еще хуже. Она не знала, где Андрей. Услышав, что я собираюсь в «Золотую бабочку», сказала, что поедет со мной, думала, что и Андрей там тоже будет. Она сказала это так, что я поняла – она точно поедет, ей очень хочется крем-брюле. Дело в том, что в этом ресторане готовят отличное крем-брюле, с вишнями. Ужасно калорийная вещь, но Лида его просто обожала. Но дело-то, конечно, не в этом. Я чувствовала, что из нее начинается истерика, она просто-напросто хочет надраться и устроить нам с Ратмановым сцену у фонтана.

– Варвара, возьми себя в руки! Я ничего не понимаю.

– Ну что же здесь непонятного? Она сама напросилась со мной, мы на машине помощника режиссера поехали в центр, вышли и направились в Лялин переулок. Я понимала, что она хочет со мной поговорить, выяснить, так сказать, отношения. Это и правильно, ведь мы же снимаемся в одном фильме и должны как-то ладить, иначе провалится весь проект. Режиссер и так уже на нас косо поглядывает, думаешь, ему еще не донесли о наших отношениях?

– Хорошо. Итак, вы вместе пришли в Лялин переулок. Вот скажи: разве тебе было мало скандалов? Зная о том, что твою подругу переполняют чувства и она хочет выяснить отношения, даже не ведая будет там ваш Ратманов или нет, ты тем не менее, позволила ей пойти с тобой? Причем она понятия не имела, где Ратманов, следовательно, весь скандал должен был быть адресован именно тебе одной!

– Да, она действительно не знала, где он. Он уехал неожиданно, по делам... в Питер, – рассеянно проговорила Варвара.

– Хорошо, начнем с другой стороны. Откуда взялись те двое, с которыми вы потом вышли из ресторана?

– Они постоянно там ошиваются. Сынки богатых родителей, кажется, студенты. Их в «Золотой бабочке» все знают. Короче, мы с Лидой пришли, сели за наш столик, к нам тут же подсели эти двое. Красивые мальчишки, что с них взять? Заказали шампанское. Лида, наконец, спросила, где Андрей. Ну, я и сказала ей, что он в Питере. Что его в Москве нет и она напрасно

притащилась сюда в надежде его увидеть и высказать ему в лицо что-то такое, о чем она постоянно твердила. Она была вся на взводе.

– Кто-нибудь может подтвердить, что она нервничала, была не в себе?

– Да, конечно! Все, кто работает там, знают нас отлично, да и журналы читают, все сплетни им известны, они же этим и живут! Они и журналистам звонят, папарацци, за денежки сообщают, кто сидит в «Бабочке».

– Что было потом?

– Мы сделали заказ. Мальчики сидели рядом, что-то бляели о высокой любви. Надо сказать, Лидка пользовалась у них большим успехом. Они сидели с ней чуть ли не в обнимку. Мне-то все было до фонаря, я Ратманова ждала.

– Он обещал прилететь прямо из Питера?

– Паша, ну что ты такое говоришь? Это же я в иносказательном смысле! В том смысле, что я как бы принадлежала Андрею и мне не было никакого дела до этих молокососов. Лида начала заводиться сразу. Вернее, она уже вошла в ресторан с таким настроением. Все делала резко: и говорила, и пила шампанское, и вертела головой, и звонила кому-то. Вроде у нее новый проект наклеивался, участие в каком-то там сериале... Плюс реклама духов. Знаешь, она ничем не брезговала.

– Варя!

– Ладно, не буду. Просто это по ее милости я сейчас говорю с тобой! Но не по душам, понимаешь? Нам с тобой защиту строить надо! А мне это к чему? Моя карьера полетит к чертям, если мы не докажем, что это не я ее... Они говорят, что у меня одежда в ее крови. Это моя кровь! Да и как это они так быстро сделали вывод, что это ее кровь, если я была дома в своей одежде? Они просто решили меня запугать!

– Успокойся. Действительно ерунда какая-то... А где твоя одежда?

– Они ее взяли. На экспертизу. Это моя кровь!

– Давай рассказывай дальше.

– Понимаешь, она постоянно подкалывала меня, просто слова не давала вставить и, даже не обращая внимания на то, что ее слушают эти двое прилипал, начала выговаривать мне, что я воровка, что я украла у нее самое главное. Все же понимали, кого она имеет в виду! Но он сам бросил ее. Я ничего для этого не делала. Все мужчины такие... непостоянные. Я хотела, чтобы она успокоилась, пыталась образумить ее, внушить, что Ратманов – не ее мужчина. Но получилось, что я только подлила масла в огонь... Словом, ужин прошел отвратительно, я уже сто раз пожалела, что согласилась пойти с ней туда... лучше бы отправилась домой, приняла ванну, выпалась.

– Дальше!

– Мы вышли, уже стемнело. И вот тут-то на нас напал парень. Пьяный, от него сильно пахло алкоголем. Здоровый такой, худой, с наглой красной рожей. Стал требовать деньги. И рядом, как назло – ни души. Ни одного прохожего! Сначала он бросился ко мне, схватил сумку, потянул на себя. Я вырвала у него из рук сумку и принялась ею бить его по лицу. Я тоже разозлилась. Меня воровкой весь вечер называли, а разве я воровка? Это бандит тот – вор! Наши двое ухажеров сбежали. Сразу. Ослы молодые! Испугались. Я еще подумала тогда: будь с нами Андрей, он врезал бы этому бандюге. Не знаю почему, но мне не было страшно. Только одна злость.

– А Лида? Где в этот момент была она?

– Думаю, где-то рядом. У меня в голове все смешалось. Я дралась с ним, но у меня ничего не получилось – он схватил и мою сумку, и ее, стал потрошить их прямо на улице, словнонисколько не боясь, что его увидят. Это все потому, что он был сильно пьян. Он взял кошелек Лиды, и мой тоже. Что-то хрустело под нашими ногами. Может, пудреница или помада. Так

противно было, что тебя грабят! Но он сильный. Лида стояла рядом и рыдала. Говорила, что в ресторане оставила самое драгоценное...

– В смысле? Что она там оставила?

– Косметичку. Она плакала, как дурочка, тоже ведь была пьяная, и говорила, что в туалете в ресторане оставила косметичку, а в ней – фотография Андрея. Это-то она и считала драгоценностью.

– А этот бандит?

– Он убежал! Схватил наши кошельки и убежал.

– Много было денег?

– Нет. Я еще спросила у Лиды, сколько у нее там было, она отмахнулась и сказала – пара сотен баксов, она не носит с собой много денег. А банковская карточка у нее в косметичке. Вот она и вернулась в ресторан. Понимаешь, она тогда была жива!

– Ты дождалась ее?

– Мне и так хватило за этот вечер. Ее, пьяную, мне пришлось бы отвезить домой, и еще неизвестно, что она успела бы мне наговорить. Я ушла. Так-то вот! Может, в этом моя ошибка? Но это же не карается законом! Я не обязана никого поджидать из ресторана! Тем более что она обзывала меня воровкой.

– Как ты добралась домой?

– Никак. Остановила такси, и все.

– Но денег-то у тебя не было.

– Я вынесла их из дома, Паша, когда таксист привез меня! Все так делают.

– И больше ты Извольскую не видела?

– Нет! Как же я могла ее видеть, если я была дома, когда ее убили?

– А ты откуда знаешь, когда ее убили?

– Ее убили где-то в десять-одиннадцать, это я точно знаю, потому что следователь спрашивал меня таким противным голосом: где вы, дорогая моя, находились между десятью и одиннадцатью вечера? Дома!

– У тебя есть алиби?

– Нет.

– Тебя никто не видел?

– Не знаю... – пожалуй начиная с этого момента, Варвара повела себя как-то неуверенно.

Это просто бросалось в глаза.

– А таксист? Ты не запомнила номер машины? Или физиономию водителя?

– Это было не такси. Я ошиблась. Просто машина. Частная. Даже марку не запомнила, я в них не разбираюсь.

– Плохо, – вздохнул Павел. – А теперь выкладывай все начистоту...

5

– Рита, Марк, мне, конечно, ужасно неудобно, что все так получилось и вам пришлось остаться с гостями. Но что поделать, если у меня такая работа? Думаю, поэтому я до сих пор один.

– Брось, Паша, не извиняйся. У меня, как ты понимаешь, Марк тоже в этом отношении человек непредсказуемый, постоянно ставит меня в подобные положения. Его почти дома не бывает. Мы даже были рады помочь тебе.

– Рита, я же понимаю, что вся нагрузка легла на тебя. Прости. Прошу тебя.

– Паша, я совсем не устала.

Так, обмениваясь любезностями, мягко извиняясь и принимая извинения, они втроем сидели на кухне и пили чай. Была глубокая ночь, Москва за окном мерцала огнями, где-то высоко, за потемневшими кронами деревьев, сияла голубовато-желтым светом церковь.

Тихо работала посудомоечная машина, тишину дробило тиканье часов на стене. Рита, утомленная, была не совсем искренна, когда говорила, что не устала. Она не только устала, но и чувствовала какое-то смутное раздражение. И хотя она понимала, что Павел пригласил их сюда не столько ради того, чтобы они помогли ему в проведении юбилея, сколько для того, чтобы увидеть Риту, все равно ей не понравилось, что ее использовали, как прислугу. Это утром она была еще полна сил, ей казалось, что ничего унижительного в этом мероприятии для нее нет. Сейчас же она жалела о том, что согласилась приехать в Москву. Ну и что, если она нравится какому-то там адвокату? Ей-то что? Она любит Марка!

– Постойте... Я же не сказал вам главного! Господи, совсем закружился. – Павел даже встал и хлопнул себя ладонью по лбу. – Рита, я же договорился с одним человеком, он хочет посмотреть твои картины. Марк прислал мне их фотографии по Интернету.

Рита удивленно взглянула на мужа:

– Марк?

– Да, что-то такое припоминаю. – Марк от смущения порозовел.

Он-то не забыл, что Павел обещал познакомить их с одним человеком, продающим картины русских художников за границу. И хотя он отлично понимал, что действует за спиной жены, ему все равно казалось, что Рите надо бы помочь с продвижением ее работ. К тому же она как-то сама оговорила о том, что мечтала бы купить небольшую квартиру в Москве, так сказать, вложить деньги, и если удастся продать ее картины, то ее мечта может исполниться...

– Марк, за моей спиной ты пытаешься продавать мои картины? – У Риты даже тон изменился.

– Рита, прошу тебя! Успокойся. Да, я отправил Паше фотографии твоих картин, твоих роскошных натюрмортов с фиалками, грушами, хризантемами. Все твои друзья в Саратове ходят, облизываются, обещают купить. Но уже несколько месяцев они не продаются.

– А кто тебе сказал, что я их вообще продаю?! – вскричала уязвленная Рита. – К тому же, может, ты и забыл, но у меня есть постоянные покупатели в Германии, Голландии... Я еще им не предлагала ничего, а ты уже связался с Пашей, и вы о чем-то там договорились!

Она и сама понимала, что ведет себя непозволительно, Марк ведь просто хотел ей помочь, а у Паши на самом деле могут быть хорошие связи, но остановиться уже не могла.

И тогда Павел решил сам выручить друга.

– Вы, дорогие мои, кричите не кричите, но дело сделано: этот мой знакомый завтра-послезавтра возвращается в Москву (он, надо сказать, великий путешественник) и первым делом позвонит мне. Думаете, он не навел справки о тебе, Рита? Работы талантливых художников не остаются незамеченными! Если он пристроит твои работы за хорошую цену и вы купите

здесь квартиру, то кому от этого будет хуже? Ты, Рита, напишешь еще что-нибудь гениальное, а у твоей дочери, Фабиолы, будет где проводить каникулы, а потом и жить, если она надумает здесь учиться. Да и вы станете столичными жителями, находитесь по вернисажам, театрам. Рита, не сердись на Марка, он же любит тебя!

Они были правы. Ничего особенного не произошло. Просто она устала. Устала подавать гостям, убирать за ними, чистить переполненные пепельницы. И зачем она только отпустила домработницу?! Сама во всем виновата. Не хотела, чтобы ей мешали.

– Хорошо, может, вы и правы. Но я соглашусь встретиться с вашим перекупщиком...

– Зачем же так грубо? – Павел, склонив голову набок, так уморительно взглянул на рассерженную Риту, что она едва не расхохоталась.

– Так вот, я не договорила. Я встречу с вашим ценителем картин лишь в том случае, если ты, Паша, позволишь мне принять участие в твоём деле – в защите твоей клиентки, Варвары Арнаутовой, и будешь держать меня в курсе расследования. И еще. Узнай, кто ведет дело об убийстве Извольской, сам познакомься с этим следователем и познакомь меня. Я страшно любопытная!

Марк покачал головой.

– А ты не вздыхай, Марк. Сколько раз я тебе помогала в расследовании твоих запутанных дел? – нахмурилась Рита.

– Рита, ты не оставляешь мне выбора. Если я откажусь (не приведи господь), то каким же легкомысленным болтуном и хвастуном я буду выглядеть перед этим солидным человеком, представляешь? Больше того, я могу потерять клиентов из числа его знакомых. Ведь это только кажется, что Москва большая, а на самом деле – это как одна огромная семья, где все друг друга знают. И моя репутация чего-то да стоит, – сказал Марк.

Она так и не поняла, шутит он или нет, но от своего условия не думала отступать. В кои-то веки она стала свидетельницей разворачивающихся событий, связанных с известными людьми, тем более с актрисами, которых знает вся страна, так неужели она упустит такой случай – оказаться в гуще расследования? Марк взял часть отпуска, но это уж ему решать, возвращаться ли домой и приступать к работе, либо задержаться в Москве, чтобы помочь другу. Конечно, ей хотелось бы, чтобы он был рядом, они действовали бы сообща и, главное, по мере возможности реально помогли Павлу. Кто бы мог подумать, что Паша – адвокат Варвары Арнаутовой?

– Марк, я думаю, что условие Риты более чем скромное, – встал на сторону Риты Павел. – К тому же я отлично знаю ее методы – они более чем оригинальные, смелые. Я буду очень рад, если вы поживете у меня. А если ты, Марк, считаешь, что желание Риты помочь мне в расследовании убийства Извольской – блажь, так не думай об этом, предоставь своей жене немного свободы, а сам отдыхай.

– Рита, тебе мало приключений, связанных с моей работой? – Марк для приличия попытался отговорить жену от этого рискованного занятия. Он-то, как никто другой, знал о ее методах: Рита, пользуясь тем, что она – художница, легко знакомилась с интересующими ее людьми (разумеется, имеющими отношение к определенному уголовному делу), предлагая написать их портрет или приглашая посмотреть свою мастерскую. Правда, бывали случаи, когда она действовала и более дерзко. Но то было в Саратове, а здесь – Москва. И течение жизни здесь более стремительное, бурное, а потому – опасное.

– Марк, ты же отлично понимаешь, что я все равно останусь в Москве. Считаю мое увлечение расследованиями блажью, капризом – все равно.

И она посмотрела на него так, что он понял – дело не в расследовании. И не в Павле Смирнове. И даже не в самой Рите. Она знала откуда-то о его мимолетной связи с той женщиной. Она почувствовала это, как животные чувствуют смертельную опасность. И для нее это было смертельно – под угрозой оказалась их семья, их отношения. Но она нашла в себе

силы не вспоминать ту ночь и ту женщину. И сделала вид, что поверила ему – якобы он провел эти ночные часы с женщиной, занимаясь исключительно своей работой и беседуя с ней, как со свидетельницей. И вот теперь ему, Марку, ничего не остается, как уступить ей... или же нет, не так – *уступить* ей. Всегда и во всем. И это и есть то главное условие, на которое он должен согласиться, если хочет сохранить Риту. Тем более что она предупредила его, еще давно, когда они только приняли решение жить вместе, еще до рождения Фабиолы, что он никогда не будет давить на нее и лишать определенной свободы.

Заметил ли Павел его растерянность и внезапную готовность во всем уступить жене? Нет. Конечно же, нет, он ничего не знает, ему и в голову не может прийти, что между ними (а Марка и Риту он считает идеальной парой) может существовать какое-то напряжение, какая-то недосказанность и тем более подлость и измена, которую им обоим хочется как можно скорее забыть.

– Рита, Павел прав, пока ты будешь помогать ему, я хотя бы выплусь как следует.

– Вот-вот! – вскричал обрадованный Павел. – Уж здесь тебя никто не поднимет в три часа утра и не отправит на место преступления. Отдыхай. У меня, знаешь, какие отличные подушки?! Моя Галина Петровна...

– Да, Павел, насчет Галины Петровны... Я понимаю, конечно, что ты привык к ней и все такое, но мне не хотелось бы, чтобы, пока мы с Марком у тебя, она бывала здесь.

– Не вопрос! – широко улыбнулся Павел. – Она как раз собиралась куда-то на море. Вот пусть и едет. Я договорюсь с ней.

– Что же касается остального, обещаю тебе, Паша, и тебе, Марк. – она повернулась к Марку и слегка усмехнулась, – что голодными вы ходить не будете. А теперь, Паша, перескажи мне свой разговор с Варварой.

6

– Марк, ты сам слышал сегодня утром, когда Павел говорил по телефону, что следователя Зимина, ведущего дело об убийстве Извольской, он хорошо знает. Если бы не это, я не стала бы ввязываться. Рано или поздно мое присутствие заметили бы. А так – чего мне бояться? Не думаю, что Зимин уже встретился с матерью Арнаутовой, ему это вообще ни к чему. Он знает, что она вряд ли имеет отношение к убийству Извольской. А вот я с ней встречусь. Скажу, что я – помощник следователя и так далее.

– А если эта женщина попросит тебя показать документ? – Марк ужасно нервничал, представляя себе, как нелепо будет выглядеть его жена, если вдруг окажется, что Зимин все же побывал у матери Арнаутовой и обман Риты раскроется. Но, с другой стороны, он, являясь профессиональным следователем, тоже понимал, что Рита, судя по всему, опередит Зимина, даже если тот и запланирует встречу с этой женщиной. В первую очередь, Зимин, по мнению Марка, займется реальными свидетелями жизни Извольской – ее близкими подругами, родственниками, коллегами по работе. И конечно, он постарается в первую очередь разыскать молодых людей, бывших в день убийства в ресторане вместе с актрисами.

– Ну ты же сделал мне ксиву, правда, саратовскую. И там черным по белому написано, что я – работник прокуратуры.

– Ладно, поезжай. Только учти: Москва большая, тебе придется добираться до Тушино, потом возвращаться сюда, в центр.

– Марк, перестань разговаривать со мной, как с маленькой!

Не успела она закончить фразу, как позвонил Павел и сказал, что он прислал за Ритой машину с водителем.

– Один мой клиент помог, – сообщил он радостным тоном Марку. – Он сегодня утром вылетел в Прагу, а своего водителя с машиной отдал мне – на неделю! Так что распоряжайтесь всем этим до его возвращения. И не вздумайте оплачивать бензин, мы уже обо всем договорились.

Рита, услышав эту новость, просияла. Конечно, Паша позаботится о ней. Как же иначе?

Мама Варвары Арнаутовой, Любовь Сергеевна – вполне современная, очень живая и эмоциональная женщина – встретила Риту настороженно, как человек, понимающий, что никуда-то от подобных визитов уже не денешься, так что придется отвечать перед людьми, кто держит ее дочь в следственном изоляторе. Хотя ей сразу показалось, что для помощника следователя прокуратуры эта женщина выглядит несколько легкомысленно, особенно в открытой блузке и полупрозрачной юбке. Она внешне напомнила Любви Сергеевне многочисленных подружек Вари – актрис, поэтесс, художниц.

– У вас такие приятные духи, – зачем-то сказала она, словно это имело какой-то смысл. Варя в опасности, и главная задача матери – убедить правоохранительные органы в том, что ее дочь не может быть убийцей, произошла чудовищная ошибка, и все ее мысли, чувства и действия должны быть направлены именно к достижению этой цели.

– Спасибо, – очаровательно улыбнулась гостя.

Рита походкой уверенного в себе помощника следователя прокуратуры прошла в комнату, куда ее пригласила хозяйка, села на предложенный стул и достала из сумки блокнот.

– Кофе? Чай?

– Нет, спасибо, ничего. Разве что немного минеральной воды. Такая жара в Москве!

Рита вдруг поймала себя на том, что произнесла эту фразу, как приезжая, – мол, у вас в Москве жарница, не то что у нас, там-то и там-то, откуда я приехала. Хотя, с другой стороны, это могло ей только показаться, такое могла произнести и коренная москвичка.

– Я вот думаю, как там Варечка? Жарко там, в камере, или наоборот?

– Вам сейчас следует думать о другом. – Рита внимательно посмотрела на Любовь Сергеевну. – Я понимаю, вы сильно переживаете, думаете о том, как спасти вашу дочь от подозрений.

– Да, конечно! Ведь под угрозу поставлена вся ее карьера! Я знаю, все ее друзья и вообще все, кто знает Варю, ни за что в жизни не поверят, что она могла убить Лидочку. А вот пресса молчать не будет. Подмочит ее репутацию! А для Варвары это очень существенно. Я, как мать, сердцем чувствую, что рано или поздно ее отпустят, потому что ее забрали, так сказать, под горячую руку, только лишь из-за того, что она была в тот вечер с Лидочкой. Но все газеты напечатают, что вот, мол, Варвара Арнаутова убила свою соперницу!

Женщина вдруг поняла, что произнесла вслух то, чего не должна была говорить. Она замолчала и с болью посмотрела Рите в глаза.

– Любовь Сергеевна, скажу сразу – я поклонница вашей дочери, мне нравится ее актерская игра, ее умение приворожить зрителя. Ее внешность обладает определенным магнетизмом, причем я говорю вам это как человек, перед чьими глазами проходит множество людей... И, когда она играет злодеек, преступниц, то есть женщин с характером, это воспринимается столь убедительно, что поневоле начинаешь видеть в Варваре определенный тип женщины. Вы понимаете меня?

– Конечно! – с жаром воскликнула Арнаутова, чувствуя, как в ней поднимается волна благодарности к этой малознакомой женщине за такие слова в адрес ее дочери. – Вы правы, многие так говорят. Но кто бы мог подумать, что именно это ее качество, способность перевоплощаться в злодеек, сыграет с ней такую шутку?

– Вот и я о том же. Это первый минус. А второй, скажу вам откровенно, связан с господином Ратмановым. Ведь вы не станете отрицать, что Андрей Ратманов бросил Лидию Извольскую ради Варвары?

– Нет, не стану. Но мало ли мужчин мечутся между разными женщинами, пытаюсь остановить свой выбор на той, единственной? С которой ему хотелось бы остаться навсегда. Я не могу с уверенностью сказать, конечно, что Андрей собирался жениться на Варе, слишком мало времени прошло с тех пор, как газеты перестали писать о его романе с Лидочкой. Но если бы прошло больше времени и он получше узнал бы Варю, он понял бы, что она могла бы стать ему хорошей женой. Нет, не подумайте, что я хочу сказать плохо о Лидочке, она была настоящей красавицей, просто находиться рядом с ней для мужчины было настоящим праздником. Но с праздником не станешь же есть щи, вытирать сопли детям, жить повседневной семейной жизнью! Праздник – он на то и праздник, чтобы порадоваться один день и забыть!

– До следующего праздника, – поддержала ее Рита с грустью в голосе. – Скажите, какие отношения были между Варварой и Извольской до того, как Ратманов бросил ее и, соответственно, потом? Все, что вы знаете. Это для начала. А потом попытайтесь мне описать круг знакомых Извольской.

– Я поняла. Тогда, может, чаю выпьем? С лимоном?

– Уговорили.

За чаем Любовь Сергеевна немного ожила, успокоилась и принялась рассказывать все, что она знала о дружбе Вари и Лиды.

– Они с самого начала всегда были вместе. Их взяли в третьего курса в сериал, где они играли соперниц. Совсем были молоденькие, а страсти такие кипели на экране! И тюрьма, и убийства, и богатый любовник, и бедный муж, и какая-то там содержанка, возмнившая себя женой. Когда я смотрела, как моя Варя стреляет в свою соперницу и какое у нее при этом было лицо – каменное, бесстрастное – меня озноб пробирал! Я еще думала: неужели на экране моя Варя? А как она уверенно держала в руке пистолет! Словно всю жизнь только тем и занималась, что стреляла. Да еще в упор. И эта кровь на экране... Я потом у Вари спрашивала – а не страшно ли ей было стрелять в человека? И знаете, что она мне отвечала? Мама, говорит, я

абстрагируюсь. Мне кажется, что я тоже смотрю фильм. Когда у нее было свободное время, она смотрела много картин с участием своих любимых актрис, пыталась, думаю, понять, как это они могут играть отрицательные роли. Потом рассказывала, какие они в реальной жизни – мягкие, добрые. А таких мерзавок играли! Лидочка же Извольская, я думаю, даже при своем таланте не смогла бы сыграть ни одну из ролей Вари. У нее же было лицо ангела...

Вдруг она вспомнила, что Извольской больше нет. Рита прочла это по ее взгляду. Женщина запуталась, глаза ее расширились и налилась слезами. Любовь Сергеевна встала, запустила пальцы в волосы и принялась почесывать макушку, словно у нее начался нервный зуд. При этом она качала головой, как бы постепенно свыкаясь с мыслью, что Лиды-то – нет! Рита и сама еще не до конца осознала, что красавицы Извольской больше нет в живых. В это действительно было трудно поверить.

– Лидочки нет... Мы вот с вами говорим об этом, а мне все еще кажется, что она жива, что несчастье произошло с кем-то другим. Она была ангелом, да. Правда, при этом у нее был отнюдь не ангельский характер. Уж поверьте мне! Многие полагают, что все актеры завистливы, и ради того, чтобы понравиться режиссеру, способны на многое...

– Вы хотите рассказать о Варе или о Лиде?

– Понимаете, так случилось – и это большое счастье, – что ничего такого между девочками не было. И знаете, почему? Потому что их как бы одновременно заметили, сначала пригласили в один сериал, а потом они пошли каждая своей дорогой. То есть они обе были востребованны, понимаете? Они такие разные, ну, совершенно непохожие друг на друга, но талантливые.

– Вы хотите сказать, что между ними не было ни тени зависти, соперничества?

– Я понимаю, в такое трудно поверить, но это так. И соперничество могло существовать лишь в личном плане. Между ними встал Ратманов. Но такое в жизни случается сплошь и рядом.

– Снимаясь и активно работая, они продолжали встречаться, общаться?

– Да. Они были подругами, причем, близкими подругами. Я допускаю даже, что моя Лидочка делилась с Варей своими переживаниями, касающимися Андрея. Ведь он, и это ни для кого не секрет, большой любитель женщин. Скольким молодым актрисам он поломал жизни! Но с Лидочкой он встречался постоянно, они повсюду бывали вдвоем, давали интервью, они как будто даже жили вместе. Во всяком случае, их роман казался серьезным, мы даже думали, что они поженятся.

– Варвара говорила вам о своих чувствах к Ратманову? Она завидовала Лиде, ревновала Андрея к ней?

– Нет, мне она ничего такого не говорила, да и как она могла мне сказать о чем-то подобном, если все знали, что у Лиды с Андреем все серьезно?

– Однако он бросил Извольскую ради вашей дочери, Любовь Сергеевна.

– Думаю, это и для Вари было неожиданностью. Возможно, где-то в глубине души она могла испытывать чувство, похожее на зависть. Господи, да что же такое я говорю?! Просто я сужу по себе. У меня тоже так было в жизни. Моя подруга вышла замуж за одного молодого человека, и, по моему мнению, она нисколько не дорожила ни своим браком, ни его любовью. И вот он начал оказывать мне знаки внимания, стал приглашать послушать, как он играет на гитаре, однажды даже мы оказались у меня дома, танцевали. Словом, тогда я подумала: а что, если так и должно быть, и то, что он начал ко мне испытывать, – не случайно? Словом, моя Варя, как мне думается, приняла ухаживания Андрея лишь потому, что сочла их отношения с Лидочкой как бы случайными, что ли. Вероятно, Варя подумала, что Лида не любит Ратманова и встречается с ним лишь потому, что его обожает вся страна, что он – завидный жених и все такое...

– Думаете, Извольская не дорожила любовью Ратманова? Не любила его? – спросила Рита.

– Я честно скажу: Лида стала попивать. После многочасовых съемок ей требовалась разрядка, и она пристрастилась к этим ночным посиделкам в ресторанах. Думаю, ее приучил к этому сам Ратманов.

– Но разве при всем этом не присутствовала Варвара? Она сама рассказывала, что вначале они втроем ужинали в ресторане «Золотая бабочка». Вы понимаете, что это значит: втроем?

– Думаете, Варя навязывалась в их компанию?

– Нет, я так не думаю. Скорее всего, это получалось само собой. Съемки заканчивались, все усаживались в машину Ратманова, и он отвозил обеих подруг в ресторан.

– Скажите, зачем вы мне душу травите? Вы же сами отлично понимаете, что моя дочь ни при чем! Они втроем вышли из ресторана, на них напал какой-то бандит...

– Откуда вам это известно? – насторожилась Рита.

– Это можно прочитать в любой газете, в Интернете. Раз были бандиты, то при чем здесь Варвара?

– Ваша дочь давно живет отдельно?

– Да, уже давно. Отец купил ей квартиру. Он сейчас живет на Украине, в Крыму, женился на молодой, построил гостиницу на берегу Черного моря. У него своя жизнь. И хотя мы расстались давно и не очень-то красиво, как отец он оказался вполне ответственным человеком.

– Варя – ваша единственная дочь?

– Да.

– Хорошо. Спасибо, Любовь Сергеевна, за подробный рассказ, за то, что не отказались поделиться со мной своими мыслями. И все же: Лидия Извольская убита.

– Да, я читала, ей разбили голову. Избили... Но, повторяю, должно было произойти что-то из ряда вон, чтобы мою дочь заподозрили в убийстве! Она вполне нормальный человек и никогда не стала бы драться на улице со своей соперницей, да еще и в центре Москвы, где ее могли увидеть прохожие! К тому же приступами бешенства она не страдает. Я вообще не поняла, почему задержали именно ее? На них напали настоящие преступники, ограбили их, избили, Лида от полученных травм скончалась, а виновата почему-то Варя! Может, нашлись такие свидетели, которым почему-то было выгодно сказать, что это Варвара била Лиду? Может, в ресторане была какая-нибудь, скажем, актриса, которая очень не любит мою дочь и хочет, чтобы у нее были неприятности? Я уже не знаю, что думать!

Рита, слушая ее, задавала себе примерно такие же вопросы: почему по подозрению в убийстве Извольской задержали именно Варвару Арнаутову?

Ей вдруг стало стыдно перед этой несчастной женщиной за то, что она, непрофессионал, заявила к ней – получается, просто потрепать ей нервы. Ведь она ничего, ну совсем ничего, не знает об этом деле! Пришла, чтобы собрать информацию об отношениях актрис, двух бывших подруг. И что нового она узнала? Да ничего! И на что она только рассчитывала?

Она распрощалась с Любовью Сергеевной, пообещав держать ее в курсе дела (обманула!), и с тяжелым сердцем вернулась в машину. Набрала номер Павла.

– Паша, скажи мне, почему задержали именно Арнаутову? Неужели для того, чтобы арестовать человека, достаточно, чтобы он просто находился где-то поблизости от места преступления или, что абсолютно ужасно, был знаком с жертвой? Может, сыграла роль ссора в ресторане, где, возможно, Варвара угрожала спьяну Извольской, но этого все равно недостаточно для того, чтобы ее арестовали.

– Сначала успокойся. Ты вся на нервах. Что-нибудь случилось?

Голос Павла показался ей необычайно спокойным, словно он находился не на работе, а дома, на диване, с газетой в руках, и его вдруг разбудили. А ее раздраженный тон, словно

именно он, Павел, был виновен в том, что арестовали Арнаутову, ее упреки – как же она могла так забыть? Что он подумает о ней? Или догадается, что дело вовсе не в Арнаутовой, а в ней самой, в Рите, которая места себе не находит потому, что ей изменил муж. А может, это написано у нее на лбу? Глупости! Ничего он не знает и ни о чем не догадывается. А Марк? А он и вовсе уже привык исполнять эту роль – роль мужа, которого в чем-то там подозревают. Хорошо ты устроился, Марк, очень хорошо! И теперь спокойно себе живет-поживает, ест, спит, проводит время со своим лучшим другом и делает вид, что у него все замечательно. А Рита, чтобы сбежать от своих невеселых мыслей, ищет себе какое-нибудь занятие. Расследование вот собственное начала! Ходит по Москве, вернее, нет, не ходит, а ездит, с липовыми документами, мучает своими непрофессиональными расспросами свидетелей, раздражается по каждому поводу. Может, признаться Павлу, что зря она все это затеяла, не стоит ей заниматься не своим делом и они с Марком в ближайшее время вернутся в Саратов, домой?

– Извини, Рита, вероятно, я должен был сказать об этом тебе раньше... просто вылетело из головы. Эти двое молодых людей, что были с девушками, – дали показания. Понимаешь, их в ресторане знают, поэтому они быстро нашлись... Так вот. Каждый из них по отдельности и рассказал, как дело было, причем они, по словам следователя, говорили так, словно это была правда или же они успели обо всем договориться. Мол, девушки начали скандалить еще в ресторане, но об этом мы и так как бы знали, так? А потом, когда они вчетвером вышли из ресторана, молодые люди сразу же ушли, чтобы не присутствовать при более откровенных разборках.

– Ты хочешь сказать, что наши актрисы, выйдя из ресторана, продолжили выяснять отношения, таская друг друга за волосы?

– Что-то в этом духе.

– И эти парни, видя, что пахнет паленым, попросту сбежали? Даже не попытались что-нибудь сделать?

– А что они могли бы сделать?

– Попытаться хотя бы растащить их! Господи, Паша, получается, что твоя Арнаутова на самом деле могла не рассчитать удар, сильно размахнуться, съездить по лицу Извольской, в результате чего та и ударилась затылком о стену?

– То, что ее кто-то с силой ударил головой о стену – точно. Там, на стене дома, даже кровь осталась и биологическое вещество – следы эпителия. Вопрос и состоит как раз в том, чтобы выяснить, кто именно так сильно припечатал ее к стене...

– Если Извольская в пьяном виде сильно оскорбила Арнаутову, сказала ей какую-то гадость, то вполне могла спровоцировать ее реакцию. Скажи, женщина в состоянии совершить такое, я имею в виду ее силу, физическое состояние?

– Вполне. Вот поэтому-то я и защищаю Варю. Хотя она отказывается и настаивает на том, что на них напал бандит, как она выражается.

– А как же кража, распотрошенные сумки?

– Варвара могла все это придумать. Тем более что свидетели, эти парни, и словом не обмолвились о нападении.

– Да струсили они, и все. Тут и понимать нечего.

– Скорее всего, ты права.

– Знаешь, когда я была у матери Арнаутовой, у меня имелась уверенность в невинности твоей Вари. Теперь же я вполне допускаю, что там действительно имела место пьяная драка двух соперниц, двух эмоциональных, экспансивных молодых женщин, в результате которой и произошло это случайное убийство. Хотя, ведь это же Извольскую бросили, и жертвой, по логике вещей, должна была стать Варя.

– Рита, может, ты выбросишь из головы это дело и просто отдохнешь? Последуешь примеру Марка?

– Нет, Паша, мне действительно хочется поработать мозгами. Встряхнуться. Вот когда вернусь домой, поеду в Пристанное, к маме, Фабиоле, тогда... Там Волга, там благодать, где можно и покупаться, и отоспаться, и даже поработать в мастерской.

– Я рад, – тихо отозвался Павел. – Честно.

7

Ресторан «Золотая бабочка» представлял собой спрятанное в глубине московских дворов тихое и уютное заведение, занимавшее, как Павел понял, два этажа и четыре квартиры одного из домов в Лялином переулке. Ни тебе парадного входа, так – дверь подъезда, правда, чистая, в отличие от других дверей в этом же доме, тяжелая, металлическая, обшитая деревом, с медной тусклой ручкой. Такие двери могут обозначать офис, расположенный в жилом доме, но никак не элитный ресторан.

Человек, отвечавший за фейс-контроль, пожал плечами – подумаешь, адвокат – пропустил. Вероятно, за последние пару дней ему пришлось пропускать персон куда более неприятных – вроде следователя прокуратуры, его помощников и экспертов. Хозяева подобных заведений не любят таких гостей – они могут подмочить репутацию ресторана, вызвать у постоянных посетителей панику, раздражение. А клиенты здесь – люди нервные, с тонкой душевной организацией, с неуравновешенной психикой.

Следователь, Григорий Зимин, как в воду глядел, высказывая предположение, что один из двух свидетелей по делу непременно окажется на «своем рабочем месте». Он имел в виду одного из молодых людей, спутников актрис, сбежавших с поля боя. Павел сел за столик и спросил у подошедшего официанта, нет ли среди посетителей Дмитрия Воронцова или Александра Гущина. Не скрываясь представился адвокатом Арнаутовой. Официант, вероятно не желавший иметь неприятности, показал взглядом на полукруглый кожаный диванчик, где сидел, развываясь, подвыпивший парень в джинсах и желтой, веселой, разрисованной гавайскими мотивами рубашке. Перед ним на маленьком столике стояла бутылка виски, стакан, тарелка с нарезанным лимоном.

– Это Воронцов.

Павел сказал, чтобы кофе ему принесли именно за тот столик.

Павел подошел к Воронцову и сел напротив него, утонув чуть ли не по уши в мягком кресле.

– Привет. Меня зовут Павел Валентинович Смирнов, я – адвокат Варвары Арнаутовой. Понимаю, что тебе эта история порядком надоела, тебя уже допрашивал следователь Зимин, и тем не менее, если ты не хочешь иметь неприятности, постарайся отвечать честно на мои вопросы...

Воронцов поднял на него тяжелый взгляд, словно оценивая степень важности этого визита и его последствий.

– Договориться с другом о том, что никаких бандитов не было, а молодые подвыпившие актрисы решили выяснить отношения более радикальным способом, без свидетелей, – для этого не надо много ума. Более того: эта ваша с Гущиным договоренность пахнет элементарной трусостью, понимаешь?

– Я ничего не буду говорить, – усталым голосом произнес Воронцов и плеснул себе в стакан еще виски. Выпил. – И не надо меня пугать. Мы с Сашкой ушли, потому что не хотели им мешать. Они превратились в двух змеиц! Шипели, плевались... На них просто противно было смотреть!

– Я понимаю, об этом вы тоже договорились. Но вы не учли одной особенности – место, где все происходило, хорошо просматривается из окон расположенного на другой стороне улицы дома. Вас видели, господин Воронцов! Тебя и твоего друга. И видели, что на актрис было совершено нападение. А вы испугались и дали деру.

– Да врете вы все! У вас просто выхода нет. Вы еще скажите, что это мы с Сашкой шаркнули Лиду головой о стену дома!

– Стоп! А откуда вам известно, как была убита Извольская?

– Из газет, откуда же еще! И вообще, что вы все крутите? Не знаете, как лучше защитить вашу подзащитную? Да это от нее надо защищать людей! Если бы вы видели, как она орала на Извольскую! Хотя и та вела себя мерзко. И все это из-за мужика, Ратманова. Чуть волосы не повыдирали друг у друга, смешно было смотреть, вернее, противно. Ну, не повезло нам с Сашкой, что мы оказались в ресторане в этот день. Но это же не преступление! Так что, господин адвокат, идите-ка вы со своими наездами и враньем. Знаем мы эти ваши штучки!

– Хорошо. Тогда ждите, что вас вызовет следователь Зимин. Он будет с вами разговаривать в более суровом тоне. Я-то, собственно говоря, пришел сюда, чтобы выяснить кое-какие детали. Как выглядел нападавший, был ли он один или с кем-то ещё. К тому же я хотел попросить вас поехать со мной к Зимину, чтобы попытаться составить фоторобот этого человека. Или вы покрываете его – кого-то третьего, неизвестного, напавшего на девушек? Может, вы знаете имя этого человека?

Он говорил быстро, напористо, сыпал словами, насыщая ими теплый и даже душный воздух этого странноватого ресторана, где за каждой бархатной складкой занавесок, разделявших кабинеты, скрывались какие-то недомолвки, недосказанность, тайны, порочные мысли и желания, где все дышало ложью – от самой двери ресторана до фальшивого блеска золоченых вилок. Быть может, поэтому Павлу лгалось так легко и он чувствовал, что останется безнаказанным?

– Ладно, – вдруг сказал Воронцов. – Так уже все это достало!

Он даже поморщился, словно вместе с виски проглотил мертвую муху.

– Понятное дело, что на нас напали. Вернее, напал. Один парень. У него еще свитер такой был... Как бы это сказать – грубой вязки. Сейчас же лето, но он был почему-то в длинном свитере, и рисунок на нем еще был такой... зимний, с оленями. Коричневый, с белыми и оранжевыми оленями. Морда такая противная, пьяная.

– У кого, у оленя?

– Издеваетесь? – Воронцов бросил на Смирнова презрительный взгляд человека, который уже сто раз пожалел, что вообще начал в чем-то признаваться. – У парня этого морда противная была, понятно? Он сказал: давайте деньги и брюлики. Варька бросилась на этого парня, она была такая пьяная, что ей море было по колено. Стала избивать его сумкой. Тот озверел, ругался так... грязно. Я даже таких слов-то не знаю! Он схватил сумку ее, вмазал ей, она отлетела. Короче, он взял все, что хотел – кошельки, серьги, браслеты. Вываливал все из сумок, копался в них. Все летело на землю. Варя визжала от боли и злости.

– А где в это время была Извольская?

– Она тоже попыталась что-то сделать, да и мы, как идиоты, размахивали руками, но мы же не умеем драться!

– Вы тоже отдали ему деньги?

– Все отдали. Вернее, почти все. У меня в кармане еще оставалась пара сотен баксов. С этими деньгами мы потом провели остаток вечера в одном из баров. Настроение было мерзейшее.

– Что было потом?

– Он взял свое и убежал.

– Извольская была жива?

– Конечно жива!

– Может, вы сбежали раньше этого парня и ничего не видели? Может, этот парень ударил ее и она разбила голову о стену?

– Нет... Я не знаю. Я запутался! Мы все как бы одновременно разбежались, разошлись, разбрелись. Как люди, которые не хотят видеть друг друга после всего произошедшего... Мы же тоже вели себя не как мужики. Понимаете?

– А вы меня не хотите понять? Ведь от ваших показаний, возможно, зависит судьбы Варвары Арнаутовой! Если на ваших глазах этот мерзавец убил Извольскую, то на основании ваших показаний и, быть может, слов других свидетелей, которые могут появиться в деле в любую минуту, поскольку вы устроили шум и вас могло видеть много людей из окон своих квартир... Так вот, если Извольскую убила не Варвара, то ее отпустят. Неужели вам все равно, что с ней будет? Если вы один раз уже дали ложные показания, то хотя бы сейчас не осложняйте свою ситуацию!

– Да у меня все мысли путаются, и я никак сам не могу вспомнить, как все дело было. Понятно, мы их испугались. Мне даже показалось, что у этого парня пистолет в руках. Знаете, у страха глаза велики. Так все было спокойно, нормально, и вдруг – какой-то подонок может тебя убить и твоя жизнь кончена из-за каких-то денег! Думаю, что и Сашка подумал так же. Мы отдали свои деньги.

– И убежали?

– Думается мне, что мы все разбежались почти в одно и то же время. Нам-то с Гушиным там точно нечего было делать.

– А как чувствовали себя ваши спутницы? Им не требовалась помощь? Может, кто-то из них был ранен? Ты же сказал, что Варвару толкнули. А Извольская? Что было с ней?

– Да я не смотрел...

Вот теперь он покраснел. Павел вспомнил показания Арнаутовой. Она сказала, что парни убежали, а Извольская, рыдая, сказала, что оставила в ресторане самое главное – косметичку с фотографией Ратманова, и еще кое-что важное там было – кредитки... Извольская, живая, направилась в ресторан, Варя Арнаутова тоже ушла. Выходит, она как будто бы и ни при чем, она никого не убивала? Но на самом ли деле Извольская возвращалась в ресторан?

Зазвонил телефон. Это был один важный клиент, он настаивал на встрече. Вопрос о косметичке оставался открытым. Павел сказал – он едет.

Воронцов смотрел на него подозрительно, сощурившись. Павел хотел произнести напоследок тираду о том, что неплохо было бы, если бы люди всегда говорили правду, но передумал – зачем тратить свои силы, если этого типа все равно уже ничего не проймет?

– Ладно, еще увидимся. – Он встал, махнул рукой парню, съжившемуся в своей легкомысленной гавайской рубашке, и стремительно вышел из ресторана.

«И почему только его называли „Золотая бабочка“?» В машине он позвонил Зимину – передать свой разговор с Воронцовым. Пусть следователь знает, как полезно сотрудничать с адвокатом Смирновым! Они еще пригодятся друг другу.

8

Следователь Зимин чувствовал, что он идет по ложному следу, но считал, что проверить-то все равно надо.

Когда в деле появилось новое лицо, новый подозреваемый, поклонник Извольской, который, оказывается, ей проходу не давал, писал ей и проникновенные письма (это следует из свидетельских показаний ее друзей-актеров и журналистов), некий Эмиль, молодой мужчина двадцати пяти лет, проживающий в Москве, профессиональный дизайнер по тканям, невозможно было не встретиться с ним – хотя бы побеседовать, а заодно и проверить его алиби.

Его быстро нашли и доставили в прокуратуру. Но разговор с ним не дал ничего. Бледная немочь. Красивый, но какой-то не от мира сего парень с нежным, почти девичьим голосом, огромными голубыми глазами, в которых застыла печаль – как кусок голубого льда. Удивительное лицо! С таких иконы пишут. Он не отрицал того, что был влюблен в Извольскую, писал ей не только письма, но и посвящал стихи и даже сонеты. И что теперь, когда какой-то «изверг» убил ее, жизнь для него потеряла всякий смысл. Он говорил это спокойно, как человек, убитый горем, искренне, сжимая большие, костлявые белые кулаки.

На вопрос, где он был вечером в день убийства, он пожал плечами, сказал – у Динки, словно Динкой звали собаку.

* * *

Днем раньше.

– Эмильчик, я знаю, что за тобой придут, знаю, чувствую...

Дина Перекалина, тоненькая хрупкая девушка с волной светлых пушистых волос, окружавших ее нежное узкое лицо, вилась над Эмилем, то поглаживая его плечи, то целуя в затылок.

Эмиль сидел в кухне, перед ним на столе дымилась тарелка с борщом. Дина принесла банку со сметаной, корзинку с нарезанным черным хлебом, коробку с соком, стакан, ложку, вилку, кружилась вокруг Эмиля, не зная, что еще сделать, чтобы привлечь к себе его внимание, угодить ему, такому холодному, помертвевшему, бесчувственному.

– Эмильчик, ее нет, понимаешь? И тебе никак нельзя ехать сейчас в морг! Ты ей кто? Да никто! Ну, была актриса, и нет ее теперь, понимаешь? А у тебя жизнь только начинается... Я понимаю, ты ее сильно любил, она вдохновляла тебя. Ты не мог и дня прожить, чтобы не увидеть ее фотографию, не прокрутить кадры из фильма с ее участием. Эмиль, но ты же нормальный парень, ты же должен понимать, что все это проходит... Что жизнь продолжается и, кроме нее, есть еще и другие женщины, есть я, наконец! Ты ешь, ешь... Хорошо, молчи. Может, тебе так будет легче. Но рано или поздно за тобой придут, они тебя вычислят, да и как же тебя не искать, если ты постоянно твердил всем, как ты любишь ее и она должна достаться только тебе, что ты готов убить Рагманова! Господи, какие глупости ты только не говорил, а ведь этим журналистам только дай пищу для сплетен! После всех глупостей, что ты натворил, ты запросто можешь попасть в круг подозреваемых, понимаешь ты это или нет? Бедный мой мальчик! Поешь хотя бы немного, наберись сил. Что мама? Как она себя чувствует? Ей лучше?

Он едва заметно кивнул при упоминании о больной матери, словно зацепили его воспаленный нерв.

– Вот и хорошо. Эмильчик, господи, как же я волнуюсь за тебя! Я не знаю, что можно сделать, чтобы ты, наконец, вернулся ко мне. Вспомни, как нам было хорошо вместе! И когда тебя только успело переключить?! Эмиль, очнись, посмотри на меня!

Она присела перед ним на корточки, заглянула в его глаза, схватила его руки в свои, встряхнула их.

– Эмиль! Главное, что у тебя есть алиби. Все уже знают, когда именно, в какой временной отрезок была убита Лида. Мы в это время были вдвоем, а это главное. Ты помнишь – мы были в кино и смотрели старый итальянский фильм?

– Да, называется «Без кожи», – вдруг словно очнулся Эмиль.

– Ну да. По-моему, удивительный фильм. Думаю, он о таких, как ты. Ранимых, не от мира сего, – вздохнула Дина, встала и прижала к своему животу голову Эмиля, поцеловала его в макушку.

– Дина, я не убивал ее. Как я мог убить, когда я так любил ее? Жаль только, что она этого так и не поняла. Воспринимала меня, как... Думаю, она считала меня ненормальным. Но мы-то с тобой знаем, что это была любовь!

И он вдруг вздрогнул, обхватил Дину за талию, прижал ее к себе и разрыдался.

* * *

Дверь открыла девушка. Увидев его, она сразу же побледнела, обхватила ладонями щеки и замотала головой.

– Дина Перекалина?

– Да. Это я...

– Я – следователь прокуратуры, моя фамилия Зимин.

– Проходите, пожалуйста.

В квартире было тесновато, но чисто. Пахло готовящейся в кухне едой.

– Вот сюда, в комнату. Хотите чаю? Я знаю, что вы пришли из-за Эмиля. Понимаю, все только и говорят о том, что он был помешан на Извольской, ревновал ее к Ратманову, производил вслух nepозволительные вещи, вроде: она должна принадлежать только мне. Вы садитесь... Садитесь.

Она села напротив Зимина, взглянула на него так, словно ей было очень больно, даже складочка на чистом и гладком лбу наметилась.

– Эмиль – непростой парень, чрезмерно эмоциональный, экспансивный, я бы сказала. У нас с ним были отношения, мы собирались пожениться, как вдруг он влюбился в Извольскую, совсем голову потерял!

Зимин слушал и удивлялся тому, что Дина разговаривает с ним так, словно она уже все знает: и что Эмиль задержан, и что он в опасности. Она явно ждала его, следователя, которому можно было бы все рассказать.

– Но, вообще-то, я хотела поговорить о другом. Бог с ней, с Извольской, и этим, прямо скажем, виртуальным, платоническим романом. Извольская убита! Эмиль попал в круг подозреваемых, так? Вы ведь для того и пришли, чтобы проверить его алиби?

– Я рад, что вы дали мне возможность что-то сказать, – мягко упрекнул ее Зимин. – Да, действительно, он заявил, что не убивал Извольскую, он ее очень любил, понятия не имеет, кто бы мог поднять на нее руку. Что же касается его алиби, то он сказал, что вы были вместе в кино и смотрели фильм «Без кожи». Я, честно говоря, не большой киноман, но мой помощник любит кино, разбирается в нем. Он просто спросил, о чем этот фильм, и знаете, что Эмиль мне сказал?

– И что же?

– А то, что это фильм о каком-то парне, влюбившемся в молодую замужнюю женщину, которая не отвечала ему взаимностью. И как он страдал весь фильм, места себе не находил, буквально умирал. Его чувства были обострены настолько, словно у него нет кожи. Вы понимаете, Дина? Он как бы говорил о себе.

– Но это же фильм такой... – Дина широко раскрыла глаза, не понимая, что могло не понравиться следователю. – Что вас смутило?

– Не меня, говорю же, а моего помощника.

В это время где-то за спиной Зимина послышался слабый тонкий писк. Он повернулся, Дина вскочила и достала из коробки, стоявшей на коврике между шкафом и столом, рыжего пушистого котенка. Совсем маленького.

– Какой симпатяга! – вырвалось у Зимина.

– Вот, совсем маленький, от кошки отняли, принесли мне. Странные люди! Я кормлю его из пипетки молоком, а у него от этого молока живот болит. Мне его так жалко, но я его уже люблю. Эмиль тоже его обожает. Целует прямо в розовый нос.

С этими словами Дина тоже поцеловала котенка в носик.

– Дина, послушайте меня внимательно и постарайтесь понять. Я понимаю, что вы до конца будете защищать своего друга. Но фильм «Без кожи» – это фильм ужасов, с каким-то бесноватым карликом, с семейством людоедов или что-то в этом роде. Эмиль же рассказывает идиллическую историю о любви молодого человека к замужней женщине. Я рылся в Интернете, но так и не нашел сведений о фильме с таким названием.

– Ничего удивительного. Это фильм для избранных, копий во всем мире очень мало. Его привезли на один вечер в Киноцентр, в рамках фестиваля камерного итальянского кино, и мы, прогуливаясь по городу, случайно оказались на этом просмотре. Вы нам не верите? Но у нас есть свидетель. Женщина-билетер. Мы же гуляли с Катей...

– С какой еще Катей?

Дина слабо улыбнулась, показывая глазами на котенка, урчавшего на ее ладони.

– Да вот с этой Катей! Это же девочка. Нас еще не хотели пускать в кино, но я сказала, что спрячу Катю под кофту и никто ничего не увидит. Словом, мы уговорили эту женщину. Думаю, она подтвердит, что мы весь вечер провели в кино. Потому что, когда мы уходили, она спросила, как нам фильм. Эмиль ничего не ответил, он был немного потрясен картиной, а я, в благодарность за то, что нас пустили в кино с Катей, рассказала ей о своих впечатлениях. Так что отпустите Эмиля! Я вас прошу! У него сейчас и так травмирована психика. Эмиль – хороший человек. Но со странностями.

– Тогда почему он не рассказал нам о кино, о котенке?

– Не знаю. Говорю же, у него сейчас сложный период.

«Скажите, Дина, а вам-то все это зачем? – подумал Зимин. – Неужели вы верите, что в его голове произойдет очередной сдвиг и он вернется в свое нормальное состояние? Вы же сами, извините, скоро будете похожи на своего Эмиля». Но вслух он об этом не спорил.

Все это Зимин говорил про себя, уже в машине. Он расставался с Диной Перекалиной с легким сердцем. И хотя ее показания тоже надо будет проверить, но он ей почему-то поверил, с самого начала. Да и Эмиль – не похоже, что он может кого-то убить.

Ему позвонил Павел Смирнов и подробно рассказал о своей встрече со свидетелем Воронцовым.

– Хорошо, Паша, спасибо. А что твоя подопечная? Она еще не изменила своих показаний? Она утверждает, что Извольская после того, как на них напал преступник, вернулась в ресторан?

– Утверждает.

– Знаешь, у меня сейчас полный запал с работой. Если тебе не трудно, проверь эту информацию. Сможешь?

– Без вопросов.

Зимин тепло распрощался с адвокатом и подумал о том, что не все они – мерзавцы.

9

Меньше всего он ожидал увидеть на пороге Олю. Даже растерялся, ему было стыдно своего вида: домашние хлопковые штаны, мятая, хотя и чистая футболка, руки в муке. Холостяк, решивший побаловать себя пельменями.

– Проходи, – он почувствовал, что краснеет. – Проходи, ужасно рад тебя видеть.

– Я тоже. Я вижу, ты что-то готовишь?

Она стояла, разморенная жарой, раскрасневшаяся, с растрепанной косой и повлажневшим взглядом темных немигающих глаз. Максим едва сдержался, чтобы не стиснуть ее в своих объятиях. Откуда-то он знал, что и ей тоже будет приятно его прикосновение, она тоже желает этого, и им обоим будет радостно от сознания того, что они теперь вместе. И все равно природная осторожность и благоразумность заставили его воздержаться от этого шага.

– Я пельмени пытаюсь сделать, но тесто получилось тонкое, рвется.

– Ладно, посмотрим.

Она вошла в его квартиру решительно, как к себе домой, почему-то подумалось ему. И если она только захочет, его дом будет и ее домом – их домом. Он обожал ее, любил, восторгался ею, в ней все было бесконечно молодо, свежо, невинно. Даже если он представлял себе ее в объятиях какого-нибудь юного шалопая, то в душе прощал ее, внушал себе, что ей, вполне созревшей, позволительны невинные эротические игры, ласки – любые. Ведь все, чем она занимается со своими ровесниками – лишь дань ее возрасту, ее разбушевавшейся весенней крови, темпераменту, а потому все это несерьезно, неважно. Только с ним, с опытным и сдержанным до поры до времени мужчиной, она раскроется полностью, почувствует себя женщиной и расцветет.

– Что-то так пить хочется! У тебя нет случайно твоего лимонада? Ну, того самого, который ты делаешь на даче?

– Есть.

Он был счастлив, что есть лимонад – целый графин, он еще не разведен водой, концентрированный, свежий, кисло-сладкий и душистый, как раз такой, который не стыдно подать Оле.

Она расположилась в кухне, возле окна. Села, положив ногу на ногу, желтый сарафан смялся и задрался, оголив бедро. Юдин готов был зажмуриться от этого ослепляющего, восхитительного зрелища, он пролил лимонад мимо стакана, чуть с ума не сошел, увидев гладкую, слегка тронутую загаром нежную кожу бедра, коричневый треугольник голой ляжки, уходящий в черноту плетеного стула, густую соблазнительную тень начала ягодицы.

– Конечно, я должна извиниться. Так глупо все вышло с этим днем рождения! Вазу разбила. Расстроилась ужасно! Потом представила, как я прихожу с этими осколками, извиняюсь, все на меня смотрят... не знаю, что со мной случилось. Настроение – великая вещь! Мы порой недооцениваем его. А напрасно.

Он знал, чувствовал, что это был простой набор слов. Дежурный набор слов. Она что-то недоговаривала.

– Может, ты припасла меня для кого-то из твоих подружек? – попробовал он пошутить.

– Нет, глупости! – искренне, как показалось ему, возмутилась она. – Еще чего!

Ты мне самому нужен – читалось в ее тоне, и Юдин возликовал.

– Ты не мог бы найти чистое полотенце, намочить его и принести мне, чтобы я протерла им лицо, шею, плечи. Такая жара! Уф...

Он поднялся с готовностью пылкого любовника исполнить любое желание своей возлюбленной, помчался в спальню, открыл комод, достал полотенце, потом в ванной комнате намочил его холодной водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.